

УДК 327.5 (581)

АФГАНИСТАН КАК ПЕРИФЕРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

И.А. Сафранчук, А.И. Искандаров, К.М. Осмоналиев

Разрабатывается подход, в рамках которого конфликт в Афганистане является производным от двух других региональных конфликтов – в Южной Азии и на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Афганистан; Южная Азия; Индия; Пакистан.

AFGHANISTAN AS PERIPHERY OF REGIONAL CONFLICTS

I.A. Safranchuk, A.I. Iskandarov, K.M. Osmonaliev

The article develops approach within which the conflict in Afghanistan is periphery and consequences of two other regional conflicts – in South Asia and in the Middle East.

Keywords: Afghanistan; South Asia; India; Pakistan.

В академическом и экспертном сообществах широкое распространение получил подход, который ставит Афганистан в центр при рассмотрении региональных проблем. Этот подход был принят также на высоком политическом уровне. Кульминацией такого афганцентричного дискурса стало широкое использование на официальном политическом уровне правительствами и международными организациями метафоры “Афганистан – Сердце Азии”. Она заимствована из стихотворных строк Мухаммада Икбала – поэта, философа и общественного деятеля Британской Индии (1877–1938), считающегося духовным отцом Пакистана: “Когда Сердце болеет, то болеет и вся Азия, когда с Сердцем все в порядке, здорова и вся Азия”. Инициированный в 2010 г. “Стамбульский процесс” – механизм регионального сотрудничества по афганской проблематике – получил второе название “Сердце Азии” [1].

Однако афганцентричный дискурс не однороден. Он имеет, по крайней мере, три варианта, каждый из которых обладает своими особенностями.

Во-первых, Афганистан рассматривают как эпицентр нестабильности и конфликтности для более широкого географического пространства [2]. Считается, что эта зона нестабильности образовалась в результате деятельности экстремистских и криминальных групп, а также субъектов теневой экономики, которые в конце XX в. получили свободу действий в отсутствие дееспособного правительства на афганской территории. В конеч-

ном счете эти группы усилились до такой степени, что смогли проецировать свое влияние и экономические интересы на соседние государства во всех направлениях. В таком варианте афганцентричного дискурса территория Афганистана представляется как центр, в смысле источник, региональных угроз безопасности, а также теневой экономической деятельности (прежде всего, контрабанды наркотиков).

Во-вторых, Афганистан рассматривают как объект соперничества региональных и/или глобальных держав [3]. Предполагается, что ради геополитических и экономических интересов такие державы ведут на территории Афганистана борьбу между собой, пытаются распространить на эту страну свое влияние, получить доступ к его природным ресурсам, а также использовать его как геополитический плацдарм для активной политики в соседних регионах. В этом случае Афганистан описывают как центр, в смысле важный объект, регионального соперничества.

В-третьих, Афганистан воспринимают как некий региональный “перекресток” для меридиональных и широтных транспортно-инфраструктурных коридоров [4]. В этом случае речь идет о том, что афганский транзитный хаб может иметь важное региональное значение и стать важнейшим элементом возрожденного “Шелкового пути”.

Выделенные нарративы, укладываясь в общий афганцентричный дискурс, в рамках которого Афганистан воспринимается как центр (но этот центр

по-разному интерпретируется, он привлекает внимание внешних игроков за счет своей позитивной или негативной значимости), одновременно и серьезно отличаются друг от друга. Представляется, что именно эта неоднородность афганоцентричного дискурса, положенного в основу “Стамбульского процесса”, является причиной того, что этот региональный формат диалога по Афганистану пока не дал ощутимых результатов.

Афганистан и соседние страны не формируют самостоятельный комплекс безопасности, но Афганистан является периферией двух других региональных комплексов безопасности – южноазиатского и ближневосточного. Основные акторы этих региональных комплексов безопасности рассматривают территорию Афганистана для целей и по причинам, связанным с их регионами, а не с самим Афганистаном.

Пакистан и Индия – основные субъекты южноазиатского комплекса безопасности. У обеих этих стран есть история и некоторая самостоятельная динамика взаимоотношений с афганским государством, особенно у Пакистана [5]. Он опасается пуштунского национализма (пуштуны проживают по обе стороны афгано-пакистанской границы), в основе которого лежит идея собственного государства. Создание такого государства нарушит территориальную целостность Пакистана и является для него неприемлемым (с момента своего образования в 1948 г. и недолго по историческим меркам существования Пакистан потерял в общей сложности около пятой части изначальной территории, поэтому вопрос территориальной целостности, важнейший для любой страны, для него имеет исключительное значение). С “пуштунским вопросом” связана также и проблема “линии Дюранда”, которая стала границей Пакистана и Афганистана. Афганистан официально не признал эту линию, но фактически граница существует, что требует от Пакистана постоянных политических усилий для поддержания такого статус-кво. Тем не менее, несмотря на наличие таких важных вопросов, которые создают динамику двусторонних отношений Пакистана с Афганистаном, главные мотивы его политики на этом направлении уже несколько десятилетий связаны и являются производными от пакистано-индийских отношений, их противоречий и соперничества.

В 1980-е гг. пакистанские военные разработали концепцию “стратегической глубины” (strategic depth) [6]. Она имеет два измерения. С одной стороны, пакистанские военные заинтересованы в безопасности своих западных районов, примыкающих к Афганистану, и даже в доступе на аф-

ганскую территорию в случае крупного конфликта с Индией. Это необходимо, чтобы иметь возможность отводить и перегруппировывать силы на стратегической глубине, недоступной для постоянного поражения со стороны Индии. С другой стороны, Пакистан опасается, что Индия в случае приобретения влияния в Афганистане может не только лишиться Пакистан описанной выше возможности, но и представлять непосредственную угрозу Пакистану с соседней афганской территории, вынудив его воевать на два фронта. Такие соображения мотивируют Пакистан и Индию не только бороться за политическое влияние в Афганистане открытыми политико-дипломатическими методами, но и вести на афганской территории так называемую “опосредованную войну” (проху war) с опорой на свои спецслужбы и местных агентов [7]. Причем, после того как Индия и Пакистан вступили в отношении ядерного сдерживания, которое повысило “порог войны” между ними, они активизировали “опосредованную войну”. Такой же феномен наблюдался в отношениях между СССР и США, когда, достигнув ядерного паритета, они оказались в “ядерном тупике” и реализовывали свой потенциал соперничества в локальных и региональных конфликтах в третьих странах с минимальным риском эскалации таких конфликтов до прямого столкновения основных противников.

Иран и Саудовская Аравия вовлечены в сложное и многоуровневое противостояние в регионе Персидского залива, которое имеет политические, идеологические и экономические измерения. Это противостояние является одним из главных сюжетов в ближневосточном комплексе безопасности. Иран, имеющий протяженную границу с Афганистаном и традиционные исторические связи с западными районами афганского государства, отчасти руководствуется связанными с этим соображениями. Однако такие интересы Ирана в Афганистане остаются ограниченными. Так же и Саудовская Аравия, как страна, претендующая на моральное лидерство в исламском сообществе, имеет интересы во всех мусульманских странах, в том числе и в Афганистане. Однако более важные мотивы для политики Ирана и Саудовской Аравии связаны именно с их соперничеством. Саудовская Аравия заинтересована в наличии дружественных групп и фракций в Афганистане, а также в росте влияния там внешних игроков, прежде всего США, которые могут с афганской территории создавать угрозу для Ирана. Иран же, опасаясь действий своих противников на афганской территории, старается их сдерживать, для чего поддерживает дружественные себе группы в Афганистане. Эта модель

переноса соперничества на афганскую территорию похожа на ту, что работает для Индии и Пакистана. Однако конкуренция Ирана и Саудовской Аравии в Афганистане уступает по интенсивности пакистано-индийскому противостоянию. Иран и Саудовская Аравия имеют клиентов среди афганских вооруженных группировок, но пока их противостояние в основном осуществляется средствами “мягкой силы”. Они строят мечети и культурные центры, распространяют свои пропагандистские материалы, оказывают гуманитарную помощь, подкупают чиновников и т.д. Впрочем, есть вероятность интенсификации противостояния Ирана и Саудовской Аравии, в том числе роста его силовой составляющей.

При таком подходе Афганистан можно рассматривать как место ведения конфликтов и соперничества, чьи корни находятся в других регионах [3, р. 46]. При таком подходе афганский кризис не может быть урегулирован за счет сотрудничества региональных и глобальных игроков на территории Афганистана. Для его урегулирования обязательным является разрешение региональных противоречий в каждом из обозначенных комплексов безопасности, по отношению к которым афганский кризис является периферией и производным.

Литература

1. Study on Security Cooperation in the Heart of Asia Region. Kabul, 2016.
2. Rubin B.R., Armstrong A., Ntegeye G. Draft Discussion paper I: Conceptual overview of the origin, structure, and dynamics of regional Conflict Formations. N. Y.: Center on International Cooperation. N. Y. University. 2001.
3. Kristian Berg Harpviken, Shahrbanou Tadjbakhsh. A Rock Between Hard Places. Afghanistan as an Arena of Regional Insecurity. London: C. Hurst & Co., 2016.
4. Starr S. Frederick, C. Kuchins Andrew. The Key to Success in Afghanistan. A Modern Silk Road Strategy // Silk Road Paper. 2010. May.
5. Butt Khalid Manzoor, Siddqi Azhar Javed. Pakistan-Afghanistan Relations from 1978 to 2001: An Analysis // South Asian Studies. 2016. Vol. 31, № 2 (July – December). P. 723–744.
6. Ishtiaq Sabah, ShahIndia Kriti. Afghanistan: Old Friends, New Dialogue. ORF Special Report, New-Delhi, 2016.
7. Tabatabai Ariane. Saudi Arabia and Iran Face Off in Afghanistan. The Threat of a Proxy War // Foreign Affairs. 2016. October 5. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/afghanistan/2016-10-05/saudi-arabia-and-iran-face-afghanistan> (дата обращения: 11.07.2017).